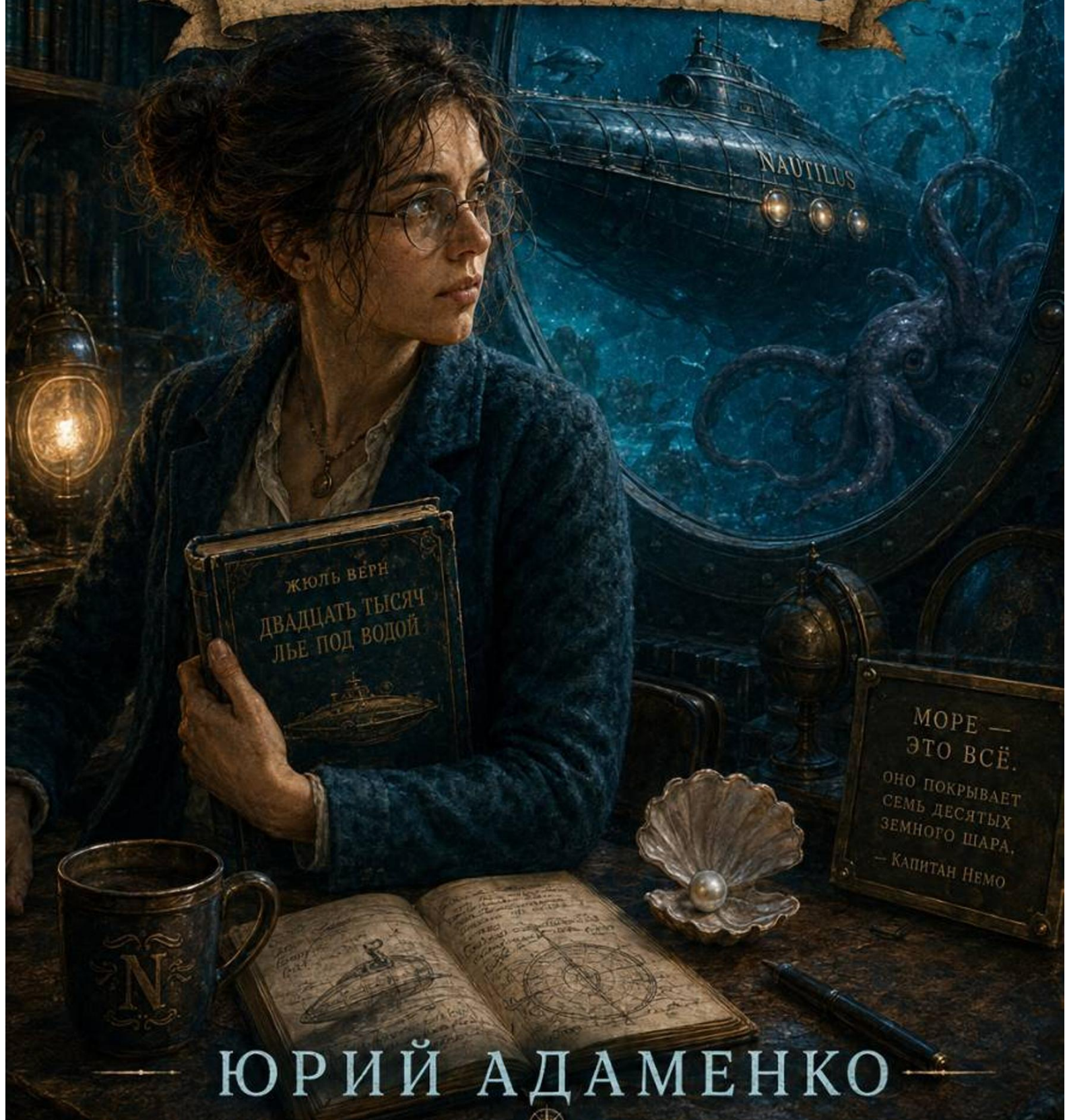

ВИРУС МАНДЕЛЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ

ГЛАВА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

ЮРИЙ АДАМЕНКО

Юрий Адаменко

**Вирус Манделы. Книга 2. 20000
лье под водой. Новая глава**

«Автор»

2026

Адаменко Ю.

Вирус Манделы. Книга 2. 20000 лье под водой. Новая глава /
Ю. Адаменко — «Автор», 2026

Что делать, если классические сюжеты начинают меняться? Если в «Острове сокровищ» Джим Хокинс засыпает в бочке, а в «Двадцати тысячах лье под водой» профессор Аронакс вдруг решает навсегда остаться на «Наутилусе»? Для всех это просто ложная память. Для Аси Ветровой — работа. Ася — обычный библиотекарь районной библиотеки «Маяк». Ну, почти обычный. Вирус, загадочная аномалия, переписывающая ключевые сцены классических романов, снова атаковал, и теперь Асе предстоит нырнуть в мир Жюль Верна. Внутри книги её ждёт «Наутилус», капитан Немо, подводные чудовища и опасности, которые не предусмотрены оригинальным текстом. Чтобы восстановить сюжет, Асе придётся не просто вернуть правильную сцену, а достучаться до человечности капитана, которого все считают чудовищем. Но что, если вирус — не случайность? Что, если за аномалией стоит чья-то воля, и Ася — лишь пешка в игре, правил которой она пока не знает? Вторая книга цикла «Вирус Манделы».

© Адаменко Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Адаменко
Вирус Манделы. Книга 2. 20000
лье под водой. Новая глава

Глава 1

1

Дождь начался ещё утром, мелкий, противный, какой обычно бывает в начале осени, когда небо решает, что солнце в этом сезоне больше не в моде. Ася Ветрова стояла под козырьком крыльца библиотеки «Маяк» и смотрела, как капли разбиваются о ступени, превращаясь в тёмные пятна на сером бетоне. Зонт она, конечно, забыла дома. Впрочем, это было не первое её упущение за последние три дня.

Три дня. Всего три дня прошло с тех пор, как она вернулась. А казалось, целая жизнь.

Она поправила очки, машинально коснувшись треснутой линзы. Привычка уже сформировалась. Каждый раз, когда она делала это, в груди что-то ёкало, как напоминание о том, что жизнь разделилась на «до» и «после». До — была тихая, размеренная и понятная. После — стала похожа на карточный фокус. Вот ты сидишь за столом, раскладываешь формуляры, а в следующее мгновение, бежишь по палубе пиратского корабля, и твоя единственная надежда на спасение, это сковородка.

Ася вздохнула и толкнула дверь. Колокольчик над входом звякнул, приветствуя её, как старый знакомый.

Внутри пахло бумагой, старой кожей переплётов и немного, промокшими куртками читателей, которые, в отличие от неё, зонты не забывали. Этот запах был знаком до последней ноты. Он успокаивал. Иногда Асе казалось, что только здесь, среди стеллажей и формуляров, она может дышать полной грудью. Если не думать о том, что в любой момент из книги может вылезти нечто, что заставит её снова нырять в бумажные миры.

— Ася! — раздался резкий голос Валентины Павловны, заведующей. — Ты опять опоздала на семь минут!

Ася вздрогнула. Валентина Павловна выплыла из-за стеллажа, как сторожевой крейсер. Высокая, с идеально уложенной седой причёской и лицом человека, который всю жизнь боролся с беспорядком и побеждал. В руке у неё была стопка формуляров, похожая на пачку обвинительных документов.

— Там пробка, — соврала Ася, стягивая мокрый кардиган.

— В нашем районе не бывает пробок, — отрезала заведующая.

— Значит, я шла пешком.

— Ася, ты живёшь в двух шагах.

— В двух шагах под дождём — это всё равно что в двух милях.

Валентина Павловна поджала губы, но решила не развивать дискуссию. Она сунула Асе формуляры и велела разобрать их до полудня.

— И не забудь проверить зал классики, — добавила она уже через плечо. — Там опять кто-то перепутал полки. Вчера Гладышева поставила Толстого к фантастике.

— Логично, — пробормотала Ася. — «Война и мир» — это же, считай, фэнтези. Только без драконов.

Заведующая не обернулась, но Ася готова была поклясться, что услышала, как та фыркнула.

Она прошла на своё место, старый дубовый стол у окна, заваленный книгами, газетами и бланками. Кружка с недопитым вчерашним чаем сиротливо стояла у лампы. Ася вылила её в кадку с фикусом (фикус, кажется, уже привык к мятному коктейлю) и села.

Работа началась.

Читатели приходили, как всегда. Кто-то за детективами, кто-то за фантастикой, а кто-то просто погреться. Ася ставила штампы, выписывала формуляры, улыбалась дежурно и ловила себя на том, что её мысли снова и снова возвращаются к недавним событиям.

Она вспоминала, как стояла на палубе «Испаньолы» и смотрела, как Сильвер, хромая, уходит в туман. Как Джим Хокинс сунул ей в руку дублон и сказал: «Это вам. На счастье». Как капитан Смоллетт, не глядя, кивнул ей на прощание, и это было высшей похвалой, которую он вообще мог выразить.

Дублон сейчас лежал в кармане её юбки. Тёплый и тяжёлый. Иногда Ася доставала его, крутила в пальцах и думала, а не приснилось ли всё?

Нет. Не приснилось.

Она возвращалась к формулярам, но буквы расплывались. В голове крутились сцены. Заговор пиратов, сковородка, блокгауз, доктор Ливси, который сказал ей: «Вы удивительно хладнокровны для библиотекаря». А она тогда ответила: «Вы просто не видели, как я борюсь с задержанными книгами».

Ася усмехнулась, не заметив, что за соседним столиком читатель покосился на неё, как на человека, который разговаривает сам с собой. Впрочем, она уже привыкла. Если бы он знал, о чём она думает, решил бы, что у неё не все дома.

День тянулся медленно. Дождь не прекращался, и посетителей было мало. Ася успела разобрать формуляры, перебрать пару стопок, отнести журналы в периодику и даже выпить свежий чай, заваренный в тишине подсобки. Мята, как всегда, сработала. Тревога отступила, притупилась.

К вечеру, когда за окном уже синело, она вспомнила про наказ Валентины Павловны проверить зал классики.

— Ладно, — сказала Ася сама себе. — Проверим.

Она взяла с собой кружку, хотя в зал с напитками нельзя, и пошла.

В зале было тихо и пусто. Только лампы гудели еле слышно, и казалось, что даже воздух здесь старше, чем в остальной библиотеке. Ася медленно шла вдоль стеллажей, поправляя книги, задвигая вылезшие корешки, возвращая на место то, что оставили небрежные читатели.

Она миновала полки с английской классикой, французской, русской. Дошла до Жюль Верна. Стеллаж седьмой, как всегда, был в относительном порядке. Только вот...

Ася нахмурилась.

Одна из книг стояла не там, где должна была. Она сразу это заметила. Глаз, натренированный на каталоги, выхватывал малейшее несоответствие. Между «Кулинарией народов мира» и «Домашними заготовками» торчал тёмно-синий корешок с золотым тиснением. Это был экземпляр «Двадцати тысяч лье под водой», 1954 года, с потрёпанными уголками и штампом «Районная библиотека 3».

— Ну и кто тебя сюда засунул? — тихо спросила Ася.

Она оглянулась. В зале никого не было. Где-то за стеллажами громко тикали настенные часы.

Она протянула руку и вытащила книгу. Та вышла легко, будто ждала. Ася провела пальцами по обложке, по шершавому переплёту. Вроде бы обычная. Но что-то внутри неё напряглось, как натянутая струна.

— Не глупи, — прошептала она. — Просто кто-то перепутал полки. Может, Гладышева. Но руки уже открыли книгу. Наугад. Примерно на середине.

Ася посмотрела на страницу. И замерла.

Текст был не тот.

Она знала эту главу. Читала её десятки раз. Та, где пленники обсуждают побег с «Наутилуса». Где Аронакс говорит, что свобода дороже любых чудес, что нужно дождаться момента и бежать. Где Нед Ленд клянётся, что не останется в этой «плавучей тюрьме», а Консель флегматично добавляет, что готов следовать за хозяином хоть на край света, но предпочёл бы сушу.

Но вместо этих строк Ася прочитала совсем иное.

«— Останемся, — произнёс господин Аронакс, и голос его был твёрдым, как сталь «Наутилуса». — Капитан Немо — гений. Наш долг — быть свидетелями его величия. Свобода — ничто по сравнению с возможностью прикоснуться к тайнам океана».

Она перечитала. Ещё раз. Буквы не расплывались, не дрожали, но от них веяло холодом. Словно кто-то открыл окно в зиму посреди сырого октябрьского вечера.

— Нет, — выдохнула Ася.

Она судорожно листала дальше. Сцена побега была искажена. Вместо того чтобы готовить шлюпку, герои сидели в салоне и слушали лекцию о величии моря. Нед Ленд, по тексту, «согласно кивнул и спрятал нож». Консель произнёс: «Море — наша судьба». А капитан Немо улыбался в полумраке, как человек, который наконец получил то, что хотел.

— Нет, нет, нет, — повторяла Ася, и голос её срывался.

Она захлопнула книгу. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Пальцы, сжимавшие переплёт, побелели.

Это снова оно.

Она узнала этот почерк. Узнала это ощущение. Когда текст, знакомый до последней запятой, вдруг показывает тебе другую версию. Ложную, удобную и трагическую.

— Только не снова, — прошептала Ася, но в голосе её не было мольбы.

В голосе её был страх. И, она не могла не признать этого, азарт.

Она стояла посреди зала классики, прижимая к груди заражённую книгу, и слушала, как дождь барабанит по стёклам. Где-то далеко, на улице, проехала машина. В подсобке звякнул чайник. Всё было обычным. Но для Аси мир снова изменился.

Она медленно выдохнула, посмотрела на книгу, потом на свои руки, потом на часы.

До закрытия оставалось двадцать минут.

— Ладно, — сказала она вслух, и голос её прозвучал глухо. — Ладно. Тихо. Спокойно. Я просто возьму её домой. И разберусь. Как в прошлый раз.

Она сунула книгу в свою сумку, стараясь не думать о том, что в прошлый раз «разобраться», означало нырнуть в чужой мир и едва не погибнуть.

Дома Ася первым делом заперла дверь на оба замка, задёрнула шторы и зажгла настольную лампу. Свет лёг жёлтым пятном на стол, выхватив из темноты чашку с остывшим чаем, стопку библиотечных формуляров, которые она таскала с собой по привычке, и книгу. В тёмно-синем переплёте, с золотым тиснением на корешке, уже немного стёршимся от чужих пальцев.

«Двадцать тысяч лье под водой». Издание 1954 года. Районная библиотека 3.

Ася села, не снимая кардигана, хотя в комнате было тепло. Ей вдруг стало зябко, от ладоней к локтям пробежал холодок, как бывает перед грозой. Она положила книгу перед собой и несколько секунд просто смотрела на обложку.

Потом открыла.

Первые страницы были в порядке. Титульный лист с именем Жюль Верна, чуть выцветший, но ровный. Штамп библиотеки, пожелтевший от времени. Предисловие, набранное мелким шрифтом. Ася пролиستала его, не читая. Она знала эти строки наизусть.

Ей нужна была сцена побега.

Она хорошо помнила, где она находится в нормальном, каноническом тексте. Ближе к концу романа, когда «Наутилус» приближается к Мальстрёму, и пленники решают, что медлить больше нельзя. Аронакс колеблется, Нед Ленд настаивает, Консель, как всегда, спокоен. Но главное, в той сцене профессор выбирает свободу, как бы ни был очарован подводным миром.

Ася нашла нужную главу. Пальцы слегка дрожали, когда она переворачивала страницы. Наконец, остановилась.

И прочитала.

Текст начинался знакомо. Те же предложения, та же интонация. Аронакс описывал вечер в салоне, тишину, мерный гул машин, задумчивость капитана Немо. Ася скользила глазами по строкам, и на мгновение ей показалось, что всё в порядке. Что, может быть, в библиотеке ей просто померещилось. Что от усталости, дождя и трёх бессонных ночей ей привиделось то, чего не было.

Но потом она дошла до того места, где Нед Ленд должен был хлопнуть ладонью по столу и заявить, что с него хватит.

И замерла.

Вместо этого было:

«Господин Аронакс поднял голову и обвёл взглядом своих спутников. В его глазах, ещё недавно затуманенных сомнением, теперь горел спокойный, почти благоговейный свет. — Друзья мои, — произнёс он тихо, но отчётливо, — я должен признаться: я ошибался. Мне казалось, что свобода — это то, ради чего стоит рисковать. Но теперь, проведя столько дней рядом с капитаном Немо, я понимаю, что истинная свобода не снаружи. Она здесь. В глубине. Там, где нет войн, нет жестокости, и нет лжи. Там, где царит разум и воля».

Ася перечитала абзац. Потом ещё раз.

— Что за... — начала она, но голос сорвался.

Она листала дальше. Текст был ровным и чётким, но от него веяло чем-то неправильным, как от фотографии, на которой у человека два правых ботинка.

Дальше профессор продолжал:

«— Останемся, — сказал он. — Капитан Немо — гений. Наш долг — быть свидетелями его величия. Свобода — ничто по сравнению с возможностью прикоснуться к тайнам океана. Я остаюсь. И прошу вас остаться со мной».

И Нед Ленд, который в настоящем тексте должен был взорваться, вскочить, грохнуть кулаком, здесь «медленно опустил глаза и кивнул, пряча нож в голенище сапога».

Консель произнёс:

— Как скажете, господин профессор. Море — наша судьба.

Ася отодвинула книгу, как будто та могла укусить.

— Нет, — прошептала она. — Этого не может быть. Нед Ленд никогда бы...

Она снова схватилась за страницы, вглядываясь в них, будто надеясь, что буквы сейчас рассыплются и на их месте появятся правильные слова. Но буквы не исчезали. Более того, они начали вести себя странно.

Сначала Ася подумала, что виновата лампа. Свет мигнул, по стене пробежала тень, и на мгновение показалось, что строка колыхнулась, как водоросль под водой. Но потом это повторилось. Сами буквы начали пульсировать, едва заметно, будто дышали.

Ася сняла очки, протёрла их краем кардигана, снова надела. Не помогло.

Текст пульсировал. Те слова, которые не имели права существовать, светились изнутри, как гнилушки в тёмном лесу. «Останемся» вспыхнуло и погасло. «Свобода — ничто» замерцало, как неон. Абзацы то темнели, то наливались холодным серебристым светом, словно книга была не из бумаги, а из тонкого льда, под которым текла живая, заражённая вода.

Ася вцепилась в край стола.

— Только не паникуй, — сказала она себе. Голос был чужим, слишком высоким. — Ты знаешь, что это. Ты уже видела это.

Но в прошлый раз всё было иначе.

Тогда, с «Островом сокровищ», искажение было грубым, топорным. Джим Хокинс просто засыпал в бочке, и всё шло к гибели. Вирус действовал прямо, как тупой нож. А теперь он был тоньше. Он не ломал сюжет, а переписывал мотивы, проникал в самую ткань характеров, заставлял персонажей делать выбор, который в нормальном мире был для них невыносим.

Аронакс, восхищающийся Немо настолько, что отказывается от свободы. Нед Ленд, соглашающийся остаться. Консель, говорящий, что море — их судьба.

Это было страшно.

Потому что это было правдоподобно.

Ася вспомнила, как в прошлый раз вирус ударил по слабости. Усталый мальчик, ночь, бочка, сон. Теперь же он бил по силе. По любознательности Аронакса и по его научному восторгу. По его преклонению перед гением. Вирус не отнимал у профессора волю. Он подменял цель. Делал плен добровольным, а бегство — предательством.

— Умный, — прошептала Ася. — Зараза умная.

Она снова посмотрела на страницу. Буквы всё ещё светились, но теперь пульсация стала чаще, как сердцебиение. Строки то расплывались, то собирались, и Асе показалось, что она слышит шёпот. Тихий и далёкий, как море в раковине.

«Останьтесь», — будто шелестел текст. — «Останьтесь с нами».

— Я не с вами, — отрезала Ася, сама не зная, к кому обращается.

Ася закрыла книгу. Не так, как закрывают после чтения, бережно, с закладкой, а резко, будто захлопывая дверь перед чужаком. Тёмно-синий переплёт глухо стукнул по столу. В комнате снова стало тихо. Дождь всё ещё шуршал по карнизу, но теперь этот звук казался навязчивым, как скрип разошедшейся двери.

— Так, — сказала Ася вслух. — Спокойно. Дышим.

Нужно было проверить.

Она подошла к стеллажу, который занимал половину стены в её комнате. Три полки снизу доверху были забиты книгами, старыми, новыми, потрёпанными, в мягких обложках и в твёрдых, с суперобложками и без. Но сейчас Асю интересовала одна полка. Та, где стояли несколько изданий Жюль Верна.

Она достала их по очереди.

Первым — толстый том в зелёном переплёте, издание 1987 года. Ася открыла нужную главу, пробежала глазами. Сцена побега была на месте. Аронакс говорит о свободе, Нед Ленд ругается, Консель соглашается. Всё правильно.

Вторая книга — потрёпанная, в мягкой обложке. Тоже канон. Третья — из собрания сочинений, с золотым срезом. И там всё верно.

Четвёртая — та, 1954 года, из библиотеки. Ася положила её рядом с остальными, как подозреваемую на очной ставке.

— Ну и кто из вас врёт? — спросила она, хотя ответ уже знала.

Она села за стол и разложила книги перед собой. Слева — три правильных издания. Справа — одно заражённое. Внешне оно ничем не отличалось. Разве что корешок был чуть более затёрт, а страницы от времени стали хрупкими. Но текст внутри был другим. Не ошибся ли издатель? Не была ли это какая-нибудь цензурная правка пятидесятых, о которой Ася не знала?

— Ага, конечно, — пробормотала она. — Цензоры заставили Аронакса остаться у Немо. В стране, где Карл Маркс стоял рядом с Жюль Верном на каждой полке. Так и было.

Нет, это не объяснение.

Она взяла заражённую книгу, открыла на первой странице. На титульном листе всё тот же штамп, всё то же имя. Но едва она перевернула пару страниц, как снова почувствовала это. Лёгкое покалывание в пальцах, как будто бумага была наэлектризована. Буквы не светились, но по краям строк пробегала едва заметная рябь, как от жара над костром.

— Вирус, — сказала Ася. — Ты, конечно, оригинальностью не страдаешь. Опять книга. Опять вечер. И опять я.

Она отодвинулась, сцепила руки в замок и заставила себя думать.

Что она знает?

Первое: вирус атакует классические приключенческие тексты. Меняет ключевые сцены, заменяя правильные события ложными. В прошлый раз он заставил Джима Хокинса заснуть в бочке, и это привело бы к захвату «Испаньолы» и гибели всех героев. Сейчас — заставил Аронакса отказаться от свободы. И это тоже, скорее всего, привело бы к катастрофе, пусть и не такой явной.

Второе: если не исправить сцену, искажённый финал просочится в реальность. Люди начнут «помнить» роман неправильно. Коллективная память изменится, и уже никто не сможет объяснить, что не так.

Третье: она, Ася Ветрова, библиотекарь с фотографической памятью, единственная, кто это заметил. По крайней мере, единственная из тех, кого она знает.

Четвёртое: в прошлый раз она вошла в книгу и всё исправила. Не без приключений, не без страха, но исправила.

Пятое: она может не входить.

Вот это пятое крутилось в голове, как надоедливая муха. Ася подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Оно было мокрым с той стороны, и от этого улица казалась размытой, как акварель, на которую уронили воду.

— Могу не входить, — прошептала она. — Могу просто сдать книгу в утиль. Сжечь её. Выбросить.

Но она уже знала, что не выбросит.

Она отошла от окна и достала из ящика стола блокнот в клеёночной обложке. Старый, потрёпанный, с загнутыми уголками и карандашом, засунутым в петельку. Ася открыла его на последних записях.

Там, после отчёта об эксперименте 1, было написано её собственным почерком, уже слегка выцветшим:

«Эксперимент 1. Объект: Остров сокровищ. Искажение: сон Джима в бочке. Действия: вошла в текст, предупредила капитана, участвовала в обороне. Итог: сюжет восстановлен. Доказательство: испанский дублон. Вывод: я не сошла с ума. Это работает».

Ася перечитала запись дважды. Потом закрыла блокнот, прижала его к груди и задумалась.

Страх был. Глупый, липкий и противный. Он сидел где-то внизу живота и нашептывал: «Оставайся дома. Ты же обычный библиотекарь. Ты не герой. В прошлый раз тебе просто повезло».

Но рядом со страхом билось другое чувство. Азарт. Который она почувствовала впервые, когда поняла, что может изменить сюжет. Азарт игрока, который видит на столе нечестно подтасованную колоду, и тянет руку, чтобы перетасовать заново.

Ася посмотрела на заражённую книгу. Та лежала на столе, обычная с виду, но Ася уже не верила в её невинность. Она знала, что под обложкой чужой, искажённый мир, который зовёт её. Ждёт.

— Ну и чего ты ждёшь? — спросила Ася у книги. — Чтобы я испугалась? Так я уже испугалась. Чтобы передумала? Уже передумывала.

Она помолчала.

— Не помогает.

Книга молчала.

Ася фыркнула, встала и поставила чайник. На полке, в жестяной банке с надписью «Чай мятный», была заварка. Она насыпала щедрую ложку в заварочный чайник, залила кипятком. По кухне поплыл свежий, прохладный запах мяты. Он немного отрезвил.

Пока чай заваривался, Ася собрала вещи. Блокнот — в карман юбки. Карандаш — туда же, к блокноту. Очки поправила, потрогала трещину на левой линзе. Дублон из «Острова сокровищ» вынула, подержала в ладони, согрела. Потом положила обратно.

— На счастье, — сказала она, сама не зная, к кому обращается.

Она налила чай в любимую кружку. Отхлебнула. Мята обожгла язык, но сработала, внутри стало чуть теплее и спокойнее. По крайней мере, руки перестали дрожать.

Ася села за стол, развернула книгу. Титульный лист. Предисловие. Первая глава.

«1866 год ознаменовался загадочным происшествием...»

Она знала этот текст почти наизусть. Но сейчас, когда она смотрела на знакомые строки, они казались другими. Как будто в них была дверь, которой раньше не было. И за этой дверью — холод, шум волн и чей-то голос, зовущий по имени.

Ася отхлебнула ещё чаю, поставила кружку и выпрямилась.

— Ладно, — сказала она. — Давай ещё раз.

Страх и азарт всё ещё боролись внутри, но теперь азарт побеждал. Или просто ей надоело бояться.

— «1866 год ознаменовался загадочным происшествием...» — начала она вслух.

Голос был тихим, но ровным.

— «...не поддающимся объяснению. Многие суда встречали в море некий длинный, светящийся предмет, превосходящий по размерам кита...»

Страница потеплела под пальцами. Буквы качнулись, как отражения в воде. Ася читала дальше. Чай остывал в кружке. Дождь за окном стихал.

— «...и потому возникло предположение, что это морское чудовище...»

Мир начал плыть. Пол под ногами будто накренился. Ася ухватила за край стола, но не остановилась. Она читала, и комната вокруг неё таяла, как сахар в кипятке.

Последнее, что она увидела, — синяя рыбка на кружке, которая, кажется, шевельнула хвостом.

А потом всё исчезло.

Первым исчез звук дождя.

Ася ещё видела свою комнату, стол, кружку с остывшим чаем, стопку книг, но все звуки вдруг схлынули, как вода из ванны. Наступила тишина. Глубокая, ватная, какая бывает только под толщей воды или в очень старом подвале.

Потом комната накренилась.

Ася попыталась ухватиться за край стола, но пальцы прошли сквозь воздух, будто стол был нарисован на бумаге. Книга выскользнула из рук. Свет лампы мигнул, расплылся, превратился в длинную светящуюся полосу, похожую на след фонаря в ночном море.

Головокружение накатило резко, без предупреждения. Как будто пол под ногами исчез, и Ася полетела вниз, в пустоту, в темноту, в шум, который сначала был тихим, как далёкий прибор, а потом — оглушительным, как водопад.

Она попыталась закричать, но рот наполнился чем-то холодным и вязким. Не водой, нет, но ощущение было похоже. Что-то давило на грудь, на виски, на глаза. Она зажмурилась, но тьма не изменилась.

«Падаю», — успела подумать Ася. — «Опять падаю. Как в прошлый раз».

И эта мысль, странное дело, немного успокоила. В прошлый раз падение закончилось. Она выжила. Выберется и сейчас.

А потом сознание погасло, как лампа под потолком, у которой перерезали провод.

Очнулась Ася от того, что кто-то или что-то трясло её, как трясут мешок с картошкой. Нет, на самом деле не трясло. Просто всё вокруг мелко дрожало, вибрировало и гудело. Ровно, на одной ноте, как старый холодильник, только громче и ниже.

Пахло маслом. И ещё солью. И чем-то железным, слегка сладковатым, как на станции техобслуживания, где пахнет и бензином, и металлом, и чужой усталостью.

Ася открыла глаза.

Перед ней была стена. Металлическая стена с заклёпками, выкрашенная в бледный, выцветший цвет, который когда-то, возможно, был белым, а теперь стал цветом старой простыни. Стена была близко. Слишком близко.

Ася пошевелилась и поняла, что лежит на чём-то твёрдом, застеленном грубой тканью. Койка. Узкая, как полка в поезде. Она лежала на спине, и над ней, на расстоянии вытянутой руки, был низкий потолок из того же металла, с такими же заклёпками.

Каюта.

Это было первое слово, которое пришло ей в голову. Потом пришло второе: «Наутилус».

— О нет, — прошептала Ася. — Нет, нет, нет...

Но она уже знала, что «да». Потому что у стены, слева от койки, было круглое окно. Иллюминатор. Толстое стекло, за которым не было ни неба, ни домов, ни дождя. Только вода. Зеленоватая, плотная и живая. И в ней, неторопливо шевеля плавниками, проплывала серебристая рыба. Длинная, узкая, с блестящей чешуёй, которая ловила свет изнутри каюты и отбрасывала на стену дрожащие блики.

Ася села. Голова закружилась, но уже не так сильно, как во время провала. Она спустила ноги на пол. Пол был холодным, металлическим. Она успела подумать: «Хорошо, что я в ботинках», — и это была настолько глупая мысль, что Ася чуть не рассмеялась.

— Прекрасно, — сказала она. — Я на подводной лодке, в тысяче лье под водой, и меня волнует обувь.

Голос звучал глухо, как в консервной банке. Воздух был тяжёлым, спёртым, с примесью чего-то химического. Дышать было можно, но не радостно.

Ася огляделась.

Каюта была маленькой. Три шага в длину, два в ширину. Койка, вмонтированная в стену. У противоположной стены узкий откидной столик, над ним маленькая полка. На полу плетёный коврик, затёртый до дыр. Единственный источник света, плафон под потолком, тусклый, как будто он тоже устал.

И никого.

Ася глубоко вдохнула, задержала дыхание на пару секунд, выдохнула. Потом ещё раз. И ещё.

— Так, — произнесла она вполголоса. — Диагноз: я снова в книге. Состояние: жива, но потрясена. Прогноз: как обычно, неблагоприятный.

Она ощупала себя. Очки на месте. Кардиган на месте, хотя и помялся. Юбка, ботинки. В кармане блокнот и карандаш. В другом кармане дублон.

Ася достала блокнот, проверила. Цел. Карандаш не сломан. Дублон тёплый, тяжёлый. Она сжала его в ладони, как якорь, не дающий сойти с ума.

— Хорошо, — сказала она. — У меня есть блокнот, карандаш и золотая монета из другой книги. Всё для выживания.

В горле пересохло. Хотелось пить. Хотелось обратно. Хотелось, чтобы за стеной не гудело так тревожно, а за стеклом не проплывали рыбы, которых не существует в нормальном мире.

Но это был не нормальный мир.

Ася подошла к иллюминатору. Прижалась лбом к холодному стеклу. За ним, в зеленоватой толще, проплывали тени. Не только рыбы, что-то большое, смутное, как облако, медленно перемещалось вдалеке. Может, водоросли. Может, кто-то.

Она отшатнулась.

— Ладно, — прошептала Ася. — Главное, не запаниковать. Помни, ты не просто так сюда попала. Ты знаешь сюжет. Знаешь героев. Знаешь, что должно произойти.

Она отвернулась от окна и посмотрела на дверь. Та была металлической, с круглой ручкой, выкрашенной в тот же бледно-серый цвет. Никаких засовов, никаких замков. По крайней мере, с этой стороны.

— Можно выйти, — сказала Ася. — Или можно остаться и ждать, пока кто-нибудь придёт.

Она постояла, прислушиваясь. Где-то далеко, за стеной, слышались шаги. Медленные, тяжёлые. Потом стихли.

— Лучше выйти, — решила она. — Прятаться смысла нет. Я всё равно на подводной лодке. Не сбежишь.

Она потянула ручку. Дверь поддалась с тихим скрипом. За ней был коридор. Узкий, полутёмный, с такими же заклёпками на стенах и тусклыми плафонами через равные промежутки. Пахло ещё сильнее маслом и морем. Где-то капала вода. Где-то гудело. Где-то, Ася была готова поклясться, играла скрипка. Или это просто звенело в ушах после падения.

Она сделала шаг. Потом ещё один.

Коридор был пуст.

— Ну что, Ася, — прошептала она себе. — Ты снова вляпалась. Теперь выясни, где здесь библиотека. Или хотя бы люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.